

ВАЛЕНТНОСТИ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: РЕДУКЦИЯ VS. КОНКРЕТИЗАЦИЯ¹

Кустова Г. И. (galinak03@gmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия;
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Томск, Россия

Абстрактные существительные разных семантических классов (интерпретация: *неприятность, промах, разлад*; мероприятие: *референдум, совещание, турнир*; деятельность: *меры / работа / усилия [по урегулированию]* и др.) рассматриваются по аналогии с речевой и ментальной лексикой, которая имеет валентность содержания, выражаемую обычно придаточным (*думал, что P; рассказал, что P*), и валентность темы, выражаемую предложной группой (*думать / мысли о чем; рассказать / рассказ о чем*).

Исследуется валентность темы у разных классов абстрактных существительных и особенности ее выражения предложной группой *по + Дат. п.* (*механизм по привлечению новых клиентов; негативная тенденция по ухудшению портфеля; шаги по осуществлению своего мандата*).

Тема, с одной стороны, является редукцией содержания, но в то же время это и конкретизация, поскольку без такой денотативной привязки сообщение с абстрактной лексикой становится неинформативным.

Ключевые слова: абстрактная лексика, предложная группа *по + Дат. п.*, валентность содержания, валентность темы, ментальная и речевая семантика

ABSTRACT LEXEMES' VALENCIES: REDUCTION VS. SPECIFICATION

Kustova G. I. (galinak03@gmail.com)

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russian Federation;
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian
Federation

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00507а.

Abstract vocabulary of different semantic classes (interpretation: *nepriyatnost'* ('nuisance', 'trouble', 'annoyance'), *promakh* ('a piece of carelessness'), *razlad* ('discord'); event: *referendum*, *soveshchanie* ('meeting'), *turnir* ('tournament'); activities: *mery* ('measures') / *rabota* ('work') / *usiliya* ('efforts') [*po uregulirovaniyu* ('on the settlement')] et al. are considered by analogy with speech and mental lexemes. The latter lexemes have valency on content (it is usually expressed by the subordinate clause) and valency on topic (it is usually expressed by the prepositional phrase *o X* 'about X').

Abstract lexemes valency on content/topic may also be expressed by the prepositional phrase *po X* [Dat.] 'on X': *mekhanizm po privlecheniyu klientov* 'mechanism to attract customers', *negativnaya tendentsiya po ukhudsheniyu portfel'a* ('negative trend for the deterioration of the portfolio'), *shagi po osushchestvleniyu mandata* ('steps to implement the mandate').

Valency on topic is both a reduction and a specification of the content of the situation.

Key words: abstract vocabulary, prepositional phrase, valency on content, valency on topic, speech and mental semantics

Валентности абстрактной и конкретной лексики

Абстрактная лексика имеет существенно другие свойства, чем лексика конкретная. Это касается не только лексических значений, но и семантического наполнения грамматических категорий. Например, падеж, хотя он в целом является синтаксической категорией, тем не менее имеет некоторую семантику, причем наиболее отчетливо семантическое содержание падежей можно сформулировать для конкретной лексики.

Семантика падежных форм при конкретных (физических) предикатах коррелирует с семантическими ролями их актантов (хотя прямой корреляции между ролью и падежом в русском языке нет). Сама номенклатура основных ролей — агенс, пациенс, инструмент, место — ориентирована на физические ситуации и предметные актанты. Выбор падежной или (особенно) предложной формы является семантически мотивированным и соотносимым с денотативной ситуацией, см., например, [Wierzbicka 1980].

К абстрактной лексике эта номенклатура ролей применима в очень слабой степени. Во-первых, абстрактная лексика, по своей природе, является результатом «отвлечения» от денотативно-референтного уровня, от мира физических предметов и процессов. Во-вторых, предложения, в которых фигурирует абстрактная лексика, часто являются результатом синтаксического преобразования, усложнения или компрессии некоторых исходных структур. Например, творительный падеж в описаниях физических ситуаций часто имеет значение инструмента, ср. *зачерпнул воды ковшом*. Однако в предложении *Он закончил свою речь обращением к зрителям* невозможно прямо приписать «денотативную» семантику творительному падежу, тем более что это предложение можно рассматривать как результат синтаксического преобразования некоторой исходной конструкции: *В конце своей речи он обратился к зрителям* — где смысл

‘обращение’ вообще не представлен падежной формой. Тем не менее и на уровне абстрактной лексики валентности могут иметь содержательное наполнение и, следовательно, существуют какие-то семантические закономерности и ограничения, регулирующие выбор управляемых падежных и предложных форм, поскольку в каждом случае мы употребляем не любую, а определенную форму.

В данной работе мы рассмотрим одну из форм выражения валентности абстрактных существительных. Речь пойдет об абстрактных существительных с предикатной семантикой. Это могут быть слова, которые образованы от предикатов — глаголов и прилагательных (ср. *поддержка, попытка, разбирательство, неизвестность*) — или просто имеют глагольный корень, не имея соотносительного глагола (ср. *делка, обстановка*); это могут быть и заимствованные слова (*семинар, политика, эксперимент, проблема*), — важно, что они отсылают к ситуации.

В отличие от глаголов, для которых управление — это постоянная (словарная) характеристика, управление имен вообще является вторичным в том смысле, что заранее неизвестно, каким падежом или предложной группой должно управлять данное производное или заимствованное существительное. Конечно, существительное может управлять инфинитивом (ср. *решение уехать; цель достичь согласия*) или может наследовать управление от производящего предиката (ср. *надеяться на что — надежда на что, уверен в чем — уверенность в чем*). Но нас будут интересовать способы выражения валентностей падежными формами, специфичные для существительных.

По Е. Куриловичу [Курилович 1962], у существительных (как конкретных, так и абстрактных) есть универсальный синтаксический падеж — родительный, за которым могут скрываться самые разные семантические отношения: субъекта (*дежурство врача*), объекта (*вызов врача*), обладателя (*платье Маши*), носителя признака (*прозрачность стекла*), автора (*портрет Репина*), образа (*портрет Толстого*) и др.

У Е. Куриловича речь идет, в основном, о предметных валентностях (т. е. соответствующих предметным актантам): *строительство дома* (*строить дом*), *приезд писателя* (*писатель приехал*). Впрочем, родительным могут выражаться и пропозициональные (и вообще непредметные) валентности абстрактных существительных, ср.: *угроза отставания, профилактика нарушений*. Однако такой родительный семантически опустошен.

Примечание. Кроме того, непредметная валентность может выражаться творительным беспредложным, ср. *управление процессами, недовольство результатами*. Этот материал в данной работе рассматриваться не будет.

Нас будут интересовать более семантически нагруженные способы выражения валентностей абстрактных существительных с помощью предложных групп, которые имеют пусть «слабую», но все-таки различимую семантику.

«Денотативная привязка» абстрактных существительных и способы ее выражения

Наиболее востребованными в качестве средств выражения валентностей в сфере абстрактной лексики являются предложные обороты (далее для краткости будем говорить просто «обороты») *по* + Дат[ельный] и *в* + Пр[едложный], более ограниченное употребление у оборота *с* + Твор[ительный]. В каких-то случаях они конкурируют между собой: *отставание в отдельных видах продукции — по отдельным видам продукции — с отдельными видами продукции; неприятности в бизнесе — с бизнесом — по бизнесу*; в каких-то случаях — с другими формами: *программа по переустройству — программа переустройства; информация по встрече в верхах — информация о встрече в верхах; решение по продаже акций — решение о продаже акций — решение продать акции*.

Примечание. Разумеется, эти обороты употребляются и с глаголами (ср. *превосходить / опережать в чем / по чему / с чем*), при этом они не являются «исконными» валентностями глаголов, а появляются у производных (абстрактных) значений, см. [Кустова, в печати].

Семантика этих оборотов определяется, во-первых, семантикой предлога, а во-вторых, тем, что эти формы по-разному взаимодействуют с семантическими классами имен: одни существительные предпочитают *в* + Пр (*верность, диссонанс, дисгармония, напряжение, передышка, оплошность в чем*), другие — *по* + Дат (*прогнозы по поставкам X-а; операция по поиску X-а; усилия по обнаружению X-а*), наконец, третьи (*неудача, осложнение, перевес, несогласие, разлад, успехи*) сочетаются с обеими формами (*несогласие по вопросу / в вопросе X-а*). Формы *в* + Пр и *по* + Дат в контексте абстрактных существительных обозначают «денотативную привязку». Говоря о денотативной привязке, мы имеем в виду следующее.

Абстрактные существительные являются осмыслением, интерпретацией (в широком смысле) некоторой конкретной денотативной ситуации. Это очевидно для оценочных слов типа *злоупотребления, нарушения, затруднения, помехи, неприятности, притеснения, неравноправие, произвол, польза, помощь, заслуги* и под. Все они предполагают некоторую денотативную расшифровку: в чем именно состоят неприятности, нарушения, заслуги и т.д. Однако и нейтральные слова типа *усилия, попытки, шаги, меры, инициатива* тоже отсылают к ситуации, которая происходит (или будет происходить) во времени и имеет конкретное денотативное содержание. Часто бывает необходимо расшифровать это денотативное содержание или дать хотя бы краткое указание на то, к какой сфере относится эта конкретная ситуация.

Приведенный выше набор падежных и предложных форм, начиная с полнотью синтаксического родительного и заканчивая более семантизированными предложными оборотами, как раз и используется в функции выражения такой «денотативной привязки».

Примечание. Разумеется, у этих форм есть и другие функции, однако они сейчас не обсуждаются.

Валентности содержания и темы у слов с ментальной и речевой семантикой и других абстрактных слов

Типы денотативной привязки могут быть различными, в силу чего различна и семантика форм, ее выражающих. У некоторых абстрактных слов денотативная привязка осуществляется через валентность сферы (о термине «валентность сферы» см. [Апресян и др. 2010: 376]; эту валентность, выражаемую формой *в + Пр*, мы рассматриваем в другой работе, см. [Кустова, в печати]). Сейчас нас будут интересовать слова, имеющие валентность содержания и / или темы.

Сначала обратимся к тем классам слов, для которых валентность содержания и темы является исконной, — это предикаты со значением речи и мысли (как глаголы, так и существительные).

Предикаты этих классов (которые являются разновидностью абстрактных предикатов), как уже говорилось, отличаются от «обычных» (физических) предикатов по целому ряду параметров. Так, два «обычных» предиката — это два отдельных сообщения. В предложениях с абстрактными предикатами, например ментальными² или речевыми, тоже два предиката — один в главной клаузе, другой — в пропозициональном объекте (*Он подумал, что гости не придут; Он сказал, что гости не придут*). Однако предикат мысли или речи — это не отдельное сообщение, а модус, рамка для пропозиционального объекта. «Думать» — это и значит иметь какие-то мысли. Т.е. пропозициональный объект (содержание) — так сказать, конкретизация, расшифровка «думать». «Говорить» — это и значит произносить то предложение, содержание которого изложено в придаточном. Именно поэтому придаточное, выражающее пропозициональный объект, называется валентностью содержания. Очевидно, что у предикатов физических действий отношение с объектом совсем другое: в структуре «*резать хлеб*» актант *хлеб* не является содержанием предиката *резать*.

Наряду с валентностью содержания речевые и ментальные предикаты имеют валентность темы, «исконным» выражением которой является группа *о + Пр*: *отчет / доклад [доложить] о работе; мысли [думать] / идеи о переустройстве*.

Тема — это, вообще говоря, тоже передача содержания, но очень редуцированного — в виде самого общего представления. Т.е. тему можно считать редуцией исходного «полного» содержания (пропозиционального объекта, выраженного придаточным).

Абстрактные слова некоторых семантических классов можно рассматривать по аналогии с ментальными и речевыми. Такие слова, как уже говорилось выше, относятся к какой-то конкретной денотативной ситуации (которую они осмысляют и интерпретируют с определенной точки зрения и которую можно считать их денотативным (пропозициональным) содержанием) и предполагают

² Термины «ментальные предикаты», «ментальная лексика» и под. используются в статье в традиционном лингвистическом значении, а не в смысле психолингвистического «ментального лексикона».

расшифровку или хотя бы условное обозначение денотативного содержания, отсылку к нему: *Для того чтобы избежать скандалов по обвинениям в применении допинга, представляется необходимым сделать следующее* [«Известия», 2003.02.07]³ — обвинения в применении допинга — это и есть скандальная ситуация, содержание скандала; *Допущены серьезные просчеты по оптимизации размещения по территории профессиональных колледжей* [РИА Новости, 2009.08.03] — недостаточная оптимизация — это и есть просчет. Для таких предикатных слов содержание и тема — практически одно и то же, — в том смысле что у них используется одна форма для передачи того и другого, поскольку содержание трудно выразить с помощью придаточного (разве что через посредство вспомогательного глагола: *Просчеты состоят в том, что Р*).

Распространенными синонимами *по + Дат* являются обороты с производными предлогами *по поводу X-а; по отношению к X-у* (иногда также — *по случаю, по адресу, насчет* и др.), ср.: *Но дискуссия по «Славнефти» не была предана огласке ни одной из сторон. В отличие от скандала по ФСФО.* [«Еженедельный журнал», 2003.03.24] vs. — *Как вы относитесь к скандалу по поводу вашего первого проекта?* [«Известия», 2003.01.19] — здесь *проект* — именно тема, «заголовок» скандала, т. к. неизвестно, какие именно скандальные события связаны с проектом.

Такая абстрактная лексика часто вообще не имеет никакой исконной валентности (наподобие *о + Пр*) и вынуждена «выбирать» из имеющегося в языке арсенала форм и оборотов наиболее подходящие для выражения темы / содержания. Анализ языкового материала показал, что несколько достаточно представительных семантических групп абстрактной лексики для выражения темы используют оборот *по + Дат*.

Семантические классы абстрактных существительных с валентностью темы / содержания *по + Дат*

В качестве исходного материала был взят список абстрактных лексем, сформированный на основе словаря Ожегова-Шведовой. Под лексемой мы, вслед за Ю. Д. Апресяном, понимаем слово в отдельном значении. Так, слово *ракурс* имеет в этом списке 3 вхождения (3 лексемы, т. е. 3 разных значения), слово *положение* — 5 вхождений (лексем). Всего в списке абстрактных лексем — около 10 тыс. единиц. Из них путем сплошной выборки были отобраны лексеммы, у которых управление *по + Дат* подтверждается материалами Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Их оказалось около 700, т. е. порядка 7% (речь идет именно об управлении, т. е. выражении валентности, а не об адвербиалах типа *по принципу, по плану, по контракту, по методу, по графику, по решению, по инициативе* и т. п.).

Затем из этих 700 были исключены группы параметрических слов: изменение (*падение* [цен], *подъем* [экономики], *прирост* [производства]), обладание

³ Литературные примеры извлечены из Национального корпуса русского языка; некоторые из них приводятся в сокращении.

(*издержки, расход, прибыль*), параметр (*занятость, окупаемость, показатель, объем, минимум*), — т.к. у них за валентностью *по + Дат* стоят, в конечном итоге, количественные изменения и значения количественных параметров. Поэтому оборот *по + Дат* при этих словах трудно назвать темой, — хотя это, несомненно, разновидность денотативной привязки (которая у количественной лексики просто имеет другой вид, чем у качественной).

В оставшемся списке лексем (более 600) с валентностью *по + Дат* выделяются следующие семантические группы:

- группа «речь» включает разные подгруппы — речевые акты: *требование, просьба*; интерпретации: *слухи, шумиха*; взаимодействие: *спор, диалог*; тексты (в том числе документы), а также их части: *публикация, договор, раздел, пункт*;
- ментальные объекты, процессы и состояния: *идея, мысль, понятие, предположение, прогноз, размышление, память, секреты*;
- интерпретация: *заслуга, неприятность, перегиб, перспектива, препятствие, промах, равенство [не количественное], различие, раскол, совпадение, уловка, уступка*;
- мероприятия: *заседание, конференция, конкурс, референдум, семинар, турнир*;
- структуры: *комиссия, организация, служба*;

Примечание. Структуры, т.е. организации, коллективы и т.д., вошли в общий список потому, что они имеют валентность, описывающую их деятельность и аналогичную пропозициональным валентностям: *комиссия по урегулированию*.

- деятельность: *забота, меры, работа, труд, усилия, хлопоты, шаги*;
- цель: *задумка, затея, план, программа*;
- классификаторы (металексика): *итог, метод, обстановка, положение, последствие, процедура, результат, ситуация, стандарт, тенденция, условие, факт*.

Мы отдаем себе отчет, что эти семантические ярлыки во многом условны — и в смысле содержания, и в смысле границ (разные лексемы могут «перетекать» в другие группы), — однако классификация абстрактной лексики — это отдельная и очень большая тема, и мы не можем углубляться в ее обсуждение.

Эти семантические группы не являются чем-то единым, а образуют своего рода шкалу удаления от прототипа к периферии. Прототипом являются слова с «настоящей» валентностью содержания и темы, т.е. с пропозициональным объектом (ментальные и речевые). Слова из этих групп нередко имеют исконное управление *о + Пр*, но наряду с ним используют *по + Дат*: *мысли о переустройстве — мысли по переустройству; договор о поставках — договор по поставкам; доклад об Ираке — доклад по Ираку*. Далее идут интерпретационные и оценочные слова, мероприятия, у которых есть денотативное содержание, а часто и тема в обычном смысле слова (*лекция по международному положению*).

У слов со значением цели (типа *план, программа*) содержание и тема в пределах оборота *по + Дат*, на наш взгляд, неразличимы, т. к., например, в выражении *программа по переустройству [X-а]* содержанием является переустройство, а редуцированным способом передачи содержания, т. е. темой ('о чем программа?'), можно считать цель — и это тоже 'переустройство'. Что касается группы «деятельность» (*меры, работа, хлопоты, шаги*), то здесь тоже содержание и цель (которую по аналогии с предыдущей группой можно считать и темой) выражается одинаково — семантика цели не противоречит семантике содержания: *усилия / меры / шаги по преодолению кризиса* и по содержанию состоят в преодолении кризиса (т. е. каждый шаг / мера «устраняет» какой-то элемент кризиса) и в качестве цели имеют преодоление кризиса.

Примечание. Мы специально оговариваем эту особенность группы «деятельность», т. к. в работе [Июдин 1991], где приводится подробный список значений предлога *по*, валентность содержания (*операция по удалению катаракты*) и валентность темы (*дискуссия по Прибалтике*) различаются, и случаи типа *работы по озеленению* относятся как раз к примерам валентности содержания, см. [Июдин 1991: 109]. Поскольку для нас цель является коррелятом темы, мы считаем возможным не различать тему и содержание в тех случаях, где содержание «одноименно» цели. Кроме того, неразличению содержания и темы может способствовать эллипсис. Например, в «канцелярском жаргоне» вполне возможно эллиптическое выражение *Сегодня операции по катаракте*, где *по + Дат* допустимо трактовать как тему.

Таким образом, во всех приведенных случаях есть какая-то пропозиция, которая редуцируется до темы.

Семантические модификации абстрактных существительных в контексте *по + Дат*

Разные способы выражения темы различаются, конечно, стилистически: оборот *по + Дат* более канцелярский, книжный, чем *о + Пр*. Однако есть и семантические различия, связанные со значением предлога *по*. Исходно *по* выражает направление, маршрут, траекторию (*идти по дороге*). Не менее важно значение метафорического направления — направления деятельности (*заместитель по кадрам*).

Большая «расплывчатость», неопределенность *по* по сравнению с *о* при обозначении темы связана с тем, что *по* обозначает не отдельную тему, а как бы целое направление, в рамках которого происходит деятельность: *по + Дат* — это своего рода эллипсис, сокращение, за которым могут скрываться различные аспекты содержания. Т. е. *по* обозначает самую общую тему, внутри которой возможны конкретизации: *резолюция по Ираку* может включать обсуждение вопросов о прекращении боевых действий, о выводе контингента, о гуманитарной помощи, о проведении выборов.

С другой стороны, интересно, что происходит с самими абстрактными существительными в контексте *по + Дат.*

Значение абстрактных слов вообще неопределенно и в силу этого подвижно. В результате изменения значения абстрактные слова могут мигрировать из одной группы в другую, подстраиваясь под семантику принимающей группы, приобретая соответствующую валентность (в нашем случае — валентность темы) и выражая эту валентность тем способом, который характерен для данной группы (в нашем случае — *по + Дат.*). Для абстрактных слов довольно типична такая ситуация, когда в словаре некоторое значение отсутствует, но в текстах оно встречается, т. е. «несловарное» значение буквально формируется в тексте и текстом, например: *Дискуссия была направлена на обсуждение следующих вопросов: — существует ли необходимость в основных международных принципах по статистике достойного труда; — возможно ли создание международной базы данных с сопоставимыми показателями по достойному труду; — следует ли продолжать усилия по изучению дальнейшего использования обследований рабочей силы для сбора данных, необходимых для получения индикаторов достойного труда. В ходе ведения заседания Рабочей группы Т. Л. Горбачева высказала позицию российской делегации по представленной МОТ концепции измерения индикаторов достойного труда* [«Вопросы статистики», 2004.03.25]. Мы специально привели этот значительный по объему пример, чтобы показать, насколько распространена при абстрактной лексике валентность *по + Дат.*: *принципы по; показатели по; усилия по; позиция по.* Но нас интересует слово *принцип*. *Принцип* в обычных значениях ‘закон’, ‘правило’, ‘воззрение’, ‘убеждение’, ‘теоретическое положение’ имеет обычно генитивное или адъективное выражение валентности (*принцип свободы совести; принципы международного права; принципы минималистской эстетики, демократические принципы*). В данном тексте (*международные принципы по статистике достойного труда*) *принцип* (точнее, *принципы*) употребляется в значении ‘соглашение’, ‘договоренность’, т. е. смещается в группу речи — и выражает валентность темы-содержания формой *по + Дат.* Ср. также: *17-я МКСТ [конференция] приняла Руководящие принципы по статистическому определению занятости в неформальной экономике* [«Вопросы статистики», 2004.07.29] — конференция приняла *принципы* означает приняла документ, текст, которым человек будет руководствоваться в своей деятельности, и для такого употребления *по + Дат* — естественная форма выражения валентности темы-содержания.

Поскольку валентность содержания и темы является прототипической прежде всего для речевой и ментальной, т. е. информационной, лексики, многие абстрактные лексемы, сдвигаясь в сторону речи, мысли и — шире — информации, актуализируют информационный аспект некоторой ситуации. Например, *конференция, переговоры, семинар* и т. п. — это мероприятия. Но суть этих мероприятий — речевая и информационная: обмен информацией, получение информации путем речевого взаимодействия. Поэтому естественно, что у них есть тема. Тот же информационный аспект выходит на первый план у таких интерпретационных слов, как *раскол, разлад* (ср. *противоречия*) — у них тоже конструкции с *по* выражают расхождение во взглядах, т. е. относятся

к информационной сфере, ср.: *Никаких противоречий по разделению функций Генсовета и исполкома партии при обсуждении не возникало* [«Известия», 2003.01.14]; *Какого-то особого разлада по этому вопросу не было* [«Известия», 2002.07.08]; *Тем самым при внешнем согласии, в сущности, раскол по проблеме Ирака сохраняется* [«Военная мысль», 2004.11.15]. Ср. также другие примеры «перетекания» значений: *Есть ли у вас какие-то секреты по уходу за собой?* [«100% здоровья», 2003.01.15] ≈ ‘приемы, методы, рецепты, рекомендации’; *А заранее избавившись от сорняков, мы во многом облегчим себе труд по уходу за садом* [«Сад своими руками», 2003.09.15] ≈ ‘заботы, хлопоты’.

Другой важной особенностью поведения абстрактной лексики в контексте *по + Дат* является то, что многие слова с валентностью темы-содержания употребляются преимущественно или даже исключительно во множественном числе: *Их основной целью является поиск путей по минимизации риска возникновения ядерного конфликта* [«Зарубежное военное обозрение», 2004.05.24]; *В этом вопросе необходимо учитывать характер последствий по недействительной сделке* [«Арбитражный и гражданский процессы», 2004.06.28]; *Руководитель агентства железнодорожного транспорта РФ считает опасения по падению грузопотока неоправданными* [www.rbcdaily.ru/2008/05/14]; *Чтобы показать, что под его руководством превзошли все ожидания по выработке цемента, он завел много его марок* [Никита Хрущев. Воспоминания (1971)] — *последствие по* в НКРЯ не встретилось, *опасения по* — меньше 10 раз, *ожидания по* — 1 раз (на начало 2015).

В русском языке широко распространено такое явление, как лексикализация множественного числа (что часто отмечается в словарях, ср.: *вода* — *воды*; *выбор* — *выборы* и под.). Однако семантический сдвиг у формы множественного числа (далее — *мн. ч.*) — не просто широко распространенное явление, это активный процесс, который не всегда поддается словарной фиксации. В этой области существует множество разных вариантов. Например, *перебои*, *перегибы* употребляются преимущественно во *мн. ч.*, хотя теоретически имеют и единственное; *перспективы*, *последствия*, употребляясь преимущественно во *мн. ч.*, могут соответствовать единственному, ср.: *В этой фирме у него хорошие перспективы* обычно означает — есть перспектива карьерного роста. Но поскольку карьерный рост может быть связан с множеством других вещей (повышение зарплаты, увеличение числа подчиненных, личный кабинет, участие в важных решениях и т. д.), то все это как бы включается во *мн. ч. перспективы*. Т.е. здесь употребление формы *мн. ч.* — своего рода риторический прием, призванный показать сложность и многоплановость некоторого явления.

Наш материал показывает, что даже исходно «информационные» слова могут развивать особое значение в форме *мн. ч.* (с соответствующей валентностью *по + Дат*), ср.: *требование (требование прекратить огонь)* — это речевой акт, обращенный к конкретному лицу (лицам) и предполагающий конкретное действие, *требования (требования по технике безопасности)* — это какие-то правила и инструкции (нередко — письменные), обращенные к гипотетическим исполнителям в гипотетических ситуациях. Если же исходно

не информационное значение претерпевает семантический сдвиг, связанный с развитием или усилением «информационного компонента» (ср. выше *раскол, разлад*), то этот сдвиг часто происходит именно в форме мн. ч. Рассмотрим несколько контекстов из НКРЯ: *оправдались ожидания по доходности доллара; ожидания по явке избирателей полностью оправдались; ожидания по промышленному производству, видимо, будут скорректированы*. Если *ожидание 1* (по МАС) — это состояние по глаголу *ожидать*, то *ожидание 2* [обычно мн. ч. (*ожидания, -ий*)] — это ‘предположение, надежда’, а в нашем случае скорее — ‘прогноз’, и эта лексема с ментально-речевым значением управляет формой *по* + Дат, а управление родительным (нормальное для исходного значения, ср. *ожидание встречи*) либо приводит к семантическому искажению, ср. *ожидания доходности / явки* — бытийное значение (‘ожидается, что доходность / явка будет’), тогда как смысл выражений типа *ожидания по доходности / явке* сводится к косвенному вопросу (‘предположения о том, какая будет доходность / явка’), либо вообще невозможно, ср. *ожидание промышленного производства*.

Итак, анализ материала показал, что одним из вариантов денотативной привязки для нескольких классов абстрактной лексики является валентность темы (как редукция содержания). Поскольку валентность содержания / темы свойственна информационной (в широком смысле) лексике (ментальной, речевой), у других классов абстрактной лексики, приобретающих такую валентность, происходит сдвиг в сторону информационной семантики.

Что касается способа выражения валентности темы, то для нее используется оборот *по* + Дат, который является более семантически мотивированным, чем исходный для многих существительных, но семантически опустошенный генитив. Таким образом, процесс замены беспредложного управления предложным, который обычно считается одним из проявлений тенденции к анализируемому, в данном случае приводит к семантизации формы, выражающей валентность.

Литература

1. Апресян Ю. Д. и др. (2010) Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря, ЯСК, М.
2. Иомдин Л. Л. (1991) Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. ВИНТИ, М. С. 94–120.
3. Курилович Е. (1962) Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М. С. 175–203.
4. Кустова Г. И. (в печати) Синтаксические и семантические факторы в падежных стратегиях // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, М.
5. Wierzbicka A. (1980) The case for surface case. Karoma Publishers, Ann Arbor. Рус. пер.: Вежицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Прогресс, М. 1985. С. 303–340.

References

1. *Apresjan Yu. D. et al.* (2010) Theoretical problems of Russian syntax: The interaction of grammar and vocabulary, LSC, Moscow.
2. *Iomdin L. L.* (1991) Lexical entry of the word PO [Slovarnaya statya predloga PO], Semiotics and Informatics [Semiotika I Informatika], Vol. 32, pp. 94–120.
3. *Kurilovich E.* (1962) The problem of case classification [Problema klassifikatsii padezhey], in Kurilovich E. Essays in Linguistics [Ocherki po lingvistike], Moscow, pp. 175–203.
4. *Kustova G. I.* (in print) Syntactic and semantic factors in case strategies [Sintaxicheskie I semanticheskie factory v padezhnykh strategiyakh], Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute [Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN], Moscow.
5. *Wierzbicka A.* (1980) The case for surfase case. Karoma Publishers Inc., Ann Arbor.